

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
К82

Agatha Christie
FIVE LITTLE PIGS

Five Little Pigs Copyright © 1942 Agatha Christie Limited.
All rights reserved.

AGATHA CHRISTIE, POIROT and the Agatha Christie
Signature are registered trademarks of Agatha Christie Limited
in the UK and elsewhere. All rights reserved.

The Agatha Christie Roundel Copyright
© 2013 Agatha Christie Limited. Used by permission.

<http://www.agathachristie.com>

Оформление серии *А. Саукова*
Иллюстрация на обложке *Ф. Барбышева*

Кристи, Агата.

К82   Пять поросят / Агата Кристи ; [перевод
с английского С. Н. Самуйлова]. — Москва :
Эксмо, 2020. — 352 с.

К знаменитому сыщику Эркюлю Пуаро обращается молодая женщина по имени Карла, мать которой шестнадцать лет назад была осуждена за убийство собственного мужа. Ныне Карла собирается выйти замуж и опасается, что дела давно минувших лет могут разрушить ее личную жизнь. При этом она утверждает, что мать никогда не стала бы лгать ей. А та еще шестнадцать лет назад сказала, что невиновна... Пуаро, увлеченный сложностью загадки, берется за дело — и выясняет, что подозревать в убийстве можно еще пять человек. И хотя прошло столько времени, а вина матери Карлы считается доказанной, мощный интеллект Пуаро берется за работу...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-103511-2

© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

Стивену Глэнвиллу

Пролог

КАРЛА ЛЕМАРШАН

Эркюль Пуаро посмотрел на вошедшую в комнату женщину оценивающе и с любопытством.

В письме, которое она написала ему, не было ничего примечательного. Всего лишь просьба о встрече; никакого намека на причину, лежавшую за обращением. Короткое и деловое. Лишь твердый почерк, указывавший на то, что Карла Лемаршан — молодая женщина.

И вот она здесь собственной персоной — высокая, стройная, лет двадцати с небольшим. Женщина из тех, на которую оглянешься дважды. Одета со вкусом — дорогие, хорошего кроя пальто и юбка, шикарный мех. Благородная посадка головы, пропорциональный лоб, тонкий, аккуратный нос и решительный подбородок. Очень энергичная, живая, и именно эта живость более, чем красота, прежде всего привлекала внимание.

До ее прихода Эркюль Пуаро чувствовал тяжесть лет — теперь же он будто помолодел, оживился и прибодрился.

Выходя навстречу посетительнице, детектив поймал ее пристальный, изучающий взгляд. Она наблюдала за ним со всей серьезностью.

Молодая женщина села и приняла предложенную им сигарету. Минуту или две курила, продолжая задумчиво смотреть на него.

— Да, нужно определиться, не так ли? — мягко спросил Пуаро.

Карла вздрогнула.

— Прошу прощения?

Голос у нее был приятный, с легкой, ничуть его не портящей хрипотцой.

— Не правда ли, вы сейчас решаете, кто я — шарлатан или человек, который вам нужен?

— Да, вроде того... Видите ли, месье Пуаро, вы не вполне соответствуете моему представлению о вас.

— Старик, да? Старше, чем вы думали?

— Да, и это тоже. — Она замялась. — Скажу прямо. Я хочу... мне нужен... лучший.

— Можете быть уверены: я — лучший!

— От скромности вы не умрете. И все же... пожалуй, я поймаю вас на слове.

— Здесь ведь, знаете ли, важны не мускулы, — спокойно заговорил Пуаро. — Мне не нужно наклоняться и измерять следы, собирать окурки и изучать примятые травинки. Достаточно сесть в кресло и подумать. Оно здесь, — он постучал пальцем по голове, вытянутой формой напоминавшей яйцо, — то, что работает!

— Знаю, — сказала Карла Лемаршан. — Поэтому и пришла к вам. Видите ли, я хочу, чтобы вы совершили нечто фантастическое!

— Это я вам обещаю. — Пуаро ободряюще посмотрел на посетительницу.

Женщина перевела дух.

— Я не Карла. Мое имя — Каролина. Как и у моей матери. Меня назвали в ее честь. — Она помедлила. — И хотя я всегда называлась Лемаршан, моя настоящая фамилия — Крейл.

Пуаро на секунду нахмурился, словно в замешательстве, потом пробормотал:

— Крейл... Я, кажется, припоминаю что-то...

— Мой отец был художником, — сказала посетительница. — Довольно известным художником. Некоторые даже называли его великим. Я думаю, он таким и был.

— Эмиас Крейл? — спросил Пуаро.

— Да. — Она помолчала, потом добавила: — И мою мать, Каролину Крейл, судили за его убийство.

— Ага. Помню, да, но только смутно. Я находился тогда за границей. Это ведь было давно...

— Шестнадцать лет назад. — Девушка побледнела, и глаза ее будто вспыхнули. — Вы понимаете? *Ее судили и признали виновной...* Но не повесили — нашли какие-то смягчающие обстоятельства — и приговорили к пожизненному тюремному заключению. Она умерла через год после суда. Понимаете? Все кончено... дело закрыто...

— И?.. — тихо произнес Пуаро.

Девушка, назвавшаяся Карлой Лемаршан, сцепила пальцы и заговорила — медленно, сбивчиво, но с удивительной выразительностью, подчеркивая едва ли не каждое слово.

— Вы должны понять, что привело меня сюда. Когда это... случилось, мне было пять лет. Слишком маленькая, чтобы что-то знать. Я помню, конечно, мать и отца, помню, как меня вдруг забрали из дома и увезли в деревню. Помню свиней и симпатичную толстушку — жену фермера. Помню, что все относились ко мне хорошо, хотя и поглядывали порой как-то

странно, исподтишка, будто со мной что-то не так. Я это чувствовала, но не знала, в чем дело.

А потом меня посадили на корабль. Путешествие было долгое и интересное. Я оказалась в Канаде, где меня встретил дядя Саймон. Я жила с ним и тетей Луизой в Монреале и помню, что, когда спрашивала про папу и маму, мне говорили, что они скоро приедут. Наверное, я как-то забыла о них; знала только, что они умерли, но не помнила, кто сказал мне об этом. К тому времени я уже не думала о родителях и была очень счастлива. Дядя Саймон и тетя Луиза относились ко мне по-доброму. Я уже пошла в школу, обзавелась друзьями и забыла, что когда-то носила другую фамилию, не Лемаршан. Тетя Луиза объяснила, что в Канаде у меня такая фамилия, и это не показалось мне странным. В конце концов я даже забыла, что когда-то меня звали иначе.

Она с вызовом вскинула подбородок.

— Посмотрите на меня. Ведь правда — согласитесь? — встретив меня на улице, вы бы подумали: вот девушка, которой не о чем беспокоиться! Я обеспечена, у меня прекрасное здоровье, довольно привлекательная внешность,

могу наслаждаться жизнью... В двадцать лет не было на свете девушки, с которой я хотела бы поменяться местами.

Но, знаете, я стала задавать вопросы. О моих родителях. Кто они такие, чем занимались? Рано или поздно я все узнала бы. Но дядя с тетей сами сказали правду, когда мне исполнился двадцать один год. Им пришлось это сделать, во-первых, потому, что я должна была вступить в наследство. А потом... было еще письмо. Письмо, написанное матерью перед смертью и адресованное мне.

Лицо ее изменилось, помрачнело. Глаза уже не горели, как угольки, а темнели, как два тенистых озера.

— Так я и узнала правду — мою мать обвинили в убийстве. Это было ужасно.

Она помолчала.

— Должна сказать вам кое-что еще. Я обручена. Нам сообщили, что нужно подождать, потому что я не могу выйти замуж до двадцати одного года. Узнав все, я поняла, почему.

Пуаро пошевелился и впервые подал голос:

— И как принял это известие ваш жених?

— Джон? Ему все равно. Он сказал, что для него это не имеет никакого значения. Мы с ним — Джон и Карла, а прошлое не важно.

Девушка подалась вперед.

— Мы всё еще обручены. Но все равно... Знаете, это *важно*. Важно для меня. И для Джона тоже. Дело не в прошлом — в будущем. — Она сцепила пальцы. — Видите ли, мы хотим детей. Оба. И не хотим видеть, как наши дети растут в страхе.

— Вы же понимаете, что у каждого среди предков были люди, совершавшие насилие и творившие зло?

— Разумеется, это так. Но обычно об этом никто не знает. Мы — другое дело. Для нас все ясно. И иногда я ловлю на себе взгляд Джона. Такой быстрый, украдкой... Предположим, мы, уже поженившись, однажды поссоримся, и вот я замечу такой вот взгляд и... *что?*

— Как погиб ваш отец? — спросил Пуаро.

Голос Карлы прозвучал ясно и твердо.

— Его отравили.

— Понятно.

Некоторое время оба молчали, потом девушка произнесла спокойным, суховатым тоном:

— Слава богу, что вы — здравомыслящий человек. Вы понимаете, что это важно и что из этого следует. И не пытаетесь отделаться утешительными словами.

— Я очень хорошо все понимаю, — сказал Пуаро. — Мне только непонятно, что вам нужно от меня?

— Я хочу выйти замуж за Джона, — спокойно ответила Карла Лемаршан. — И выйду! И хочу, чтобы у нас было по меньшей мере два мальчика и две девочки. А вы позаботитесь о том, чтобы это стало возможным.

— Хотите, чтобы я поговорил с вашим женихом? Ах нет, что я говорю, какие глупости... Вы предлагаете нечто совершенно другое. Скажите же, что у вас на уме.

— Послушайте, месье Пуаро. Поймите — и чтобы все было ясно, — я намерена нанять вас для расследования убийства.

— Вы имеете в виду...

— Да, я имею в виду именно это. Дело об убийстве есть дело об убийстве, независимо от того, случилось оно вчера или шестнадцать лет назад.

— Но, моя дорогая...

— Подождите, месье Пуаро. Вы еще не всё знаете. Есть один очень важный пункт.

— Да?

— Моя мать невиновна, — сказала Карла Лемаршан.

Пуаро потер нос.

— Ну, разумеется. Я понимаю...

— Это не сантименты. Есть ее письмо. Она оставила его мне перед смертью. Письмо полагалось передать, когда мне исполнится двадцать один год. Моя мать написала его с одной целью — чтобы я была совершенно уверена: она этого не делала, она невиновна. Чтобы у меня не было ни малейших сомнений. Вот и всё.

Эркюль Пуаро задумчиво посмотрел на девушку, со всей серьезностью смотревшую на него.

— *Tout de meme...*¹

Карла улыбнулась.

— Нет, мама была не такая! Вы думаете, она могла солгать? Солгать ради меня? — Девушка подалась вперед и с чувством заговорила: — Послушайте, месье Пуаро, есть вещи, которые дети очень хорошо понимают. Я помню мать — воспоминания, конечно, бессвязные, но я хорошо знаю, что за человек она была. Она не кривила душой — даже во благо. Если что-то могло причинить боль, мать так и говорила. Зубной врач или заноза в пальце — такого рода вещи... Правда была для нее естественным импульсом. Не думаю, что я так уж сильно любила ее, но доверяла. И сейчас верю ей! Если она го-

---

¹ И все же... (фр.)